

Европейское понимание прогресса

В 2005 г. Институт Гёте прекратил бесплатное распространение своего издания «Kafka. — Zeitschrift für Mitteleuropa» (Кафка. Центральноевропейский журнал), выходившего с 2001 г. на немецком, польском, чешском, словацком и венгерском языках. Целью издания было содействие культурному диалогу между восточноевропейским регионом и остальной Европой, прежде всего с Германией. Авторами журнальных публикаций были писатели, публицисты, издатели, представители гуманитарных дисциплин. Ныне журнал «Кафка» ищет подписчиков. Предлагаем вниманию читателей размышления польского прозаика *Гжегоша Коначевски*, посвященные актуальным проблемам развития континента и опубликованные в последней тетради журнала.

Европейская культура со времен Древней Греции отмечена спором двух великих проектов — идеализма и номинализма. Прогресс — вот одна из тех ценностей, из-за которых этот конфликт сразу же превратился из сугубо интеллектуального диспута (Платон — софисты) в кровавую войну (Спарта — Афины). Впоследствии разрешение идейных разногласий исключительно с помощью солдат и военной техники войдет, к сожалению, в привычку. Исход споров о том, что такое прогресс, по сей день остается одним из важнейших факторов, определяющих облик цивилизации. Прогресс, разумеется, не является исключительно европейской ценностью, однако европейскую сущность в целом легче понять, если посмотреть, как определяется на континенте прогресс в частности. В этом отношении прогресс представляет собой фундаментальную европейскую категорию, поскольку именно вокруг него разгорается один из важнейших конфликтов по вопросу о будущем европейской культуры.

Хочу подчеркнуть, что в данном случае я рассматриваю прогресс не как мерило жизненных норм, допускающих «pro» и «contra» (как, например, в случае гомосексуальных браков: прогрессисты — «за», консерваторы — «против»). Я понимаю прогресс как непрерывное развитие, как общественные, политические, экономические и культурные изменения.

В пору, когда вновь возрастает значение споров о прогрессе, мне хотелось бы указать на негативное влияние, которое оказали и продолжают оказывать на состояние европейских обществ определенные концепции прогресса.

Возможно ли «европейское» определение прогресса, о котором я говорю? Понимают ли немцы его так же, как чехи и французы? Если взять развитие доминирующего образа жизни, то в первую очередь мы обнаружим сходство. У нас сравнимое общественное устройство, укладывающееся в рамки либеральной демократии, и сравнимый стиль жизни — в наших домах среди одинаковой мебели стоят одинаковые телевизоры, мы завтракаем тем же мюсли и смотрим те же фильмы.

Стоит, однако, оглянуться назад, а еще лучше копнуть поглубже, как под слоем образа жизни мы наткнемся на новые уровни понимания, способные повергнуть в немалое смятение. В толковании идеи прогресса умы расходятся в зависимости от мировоззрения, от места в общественной иерархии, от религиозных убеждений и национальности. Бывает и так, что представление о прогрессе складывается независимо от этих факторов и выводится из целостного воззрения на историю. Миллионы европейцев стали жертвами подобного понимания прогресса. Его призрак по сей день витает над нашим континентом. С таким представлением о прогрессе следует бороться.

Для иллюстрации этой мысли достаточно, не слишком углубляясь в прошлое, взглянуть на европейскую историю прошлого века. Не станем утверждать, будто мировые войны разрушили европейскую культуру. Тем не менее, в середине прошедшего столетия континент казался разделенным на две столь различные половины, что вряд ли можно было говорить о единой шкале ценностей. Так кто же был тогда носителем «европейских ценностей»? Как случилось, что одна половина континента пошла за лозунгами, глубоко чуждыми другой его половине? По какой причине правящие круги восточной части отстаивали идеи, диаметрально отличные от западных воззрений? Чем было обусловлено такое расхождение? Разным подходом к определению прогресса. Однажды достаточное количество людей уверовало в то, что прогресс укладывается в научные категории. Что его можно не только описать, но и наблюдать, формулировать и предсказывать его закономерности. Сбывалась вековая мечта. Будущее стало предсказуемым. И этим будущим был социализм. Мечта завладела тысячами людей, тысячи верили в Маркса, тысячи были уязвлены Гегелем. В конце концов превосходство прогрессивной социалистической системы было подтверждено с философской, моральной и научной точек зрения. Тем не менее, философам и ученым для доказательства истинности их представлений о прогрессе понадобились генералы.

В 1989 г. общество будущего оказалось на свалке истории. И снова достаточно большая и сильная группа людей объявила, что поскольку с социализмом покончено, единственно возможной системой остается либерализм. Цель общественного развития достигнута. Прогресс состоялся. В конце концов, у нас есть тому доказательство: народы восточной части континента по собственной воле с энтузиазмом принимают наши постановления, они присоединяются к нашим структурам и учреждениям. С этих пор любые раздумья по поводу прогресса парадоксальным образом вызывают некую напряженность, которая вносит хаос и неуверенность в жизнь европейцев.

Ведущие средства массовой информации, вкупе с расхожим общественным мнением, трактуют сегодня прогресс как безостановочное углубление международных

связей, как взаимное проникновение культур и как расширение влияния западной культуры и либерально-демократической модели общественного развития (и опять-таки этот интеллектуальный проект осуществляется с помощью генералов). Тезис о завершении истории настолько утвердился, что считается у элиты аксиомой (хотя сам автор тезиса подвергает его сомнению — парадокс 1). В качестве мерила прогресса в своих странах правительства используют так называемый совокупный социальный продукт — мерило, которое быстрее или медленнее, но постоянно растет. Рост мерила прогресса означает, что в обществе наблюдается прогресс и что оно становится все лучше и лучше.

Да только в самих обществах из года в год ощущается ухудшение положения, и наряду со страхами растет ностальгия по социальному государству 1960—1970-х годов. То есть общества не хотят прогрессивно развиваться, они не прочь повернуть время вспять (парадокс 2). Население новых стран европейского содружества присоединилось к институтам ЕС, чтобы достигнуть уровня развития старых членов (в то же время старые члены не приемлют подобного развития и мечтают о возврате к временам государства социального благополучия, на несколько десятков лет назад — парадокс 3). Национальные правительства заявляют о своем стремлении развивать отношения в рамках ЕС, однако вину за трудности в своих странах взваливают на Брюссель (парадокс 4). Национальные правительства официально разделяют убежденность в том, что удобнее всего управлять малыми местными коммунами. Поскольку национальные правительства рассуждают об углублении сотрудничества и передаче, полномочий Брюсселю, правительство оказывается лишним звеном в оси «коммуны — центральное правительство — ЕС»; однако оно отнюдь не спешит уступить свои полномочия органам локального управления или Брюсселю (парадокс 5). И коль скоро локальные коммуны так хорошо управляются сами, отчего ЕС рвется централизованно решать самые заурядные вопросы (парадокс 6)?

Итак, мы видим, что главный парадокс нашего времени заключается в дефиниции прогресса и прокламируемых намерениях осуществлять его, но только в выбранных областях. Мы уже привыкли к тому, что заявления наших политиков расходятся с их действиями. Однако дело обстоит гораздо серьезнее. Если будущее Европы политиками сформулировано (углубление отношений, дальнейшее усиление европейских институтов, интернационализация сфер жизни и т. п.), а слова их не соответствуют делам, почему нас старательно заверяют в том, что данные процессы необратимы? Кому это выгодно? Размножение институтов выгодно, разумеется, политикам. От прозрачности границ выигрывают в первую очередь международные концерны.

Европейцам трудно выпутаться из этой сети парадоксов. Именно потому им следовало бы задаться вопросом о своем будущем. Любые утверждения о неизбежности процессов должны вызывать подозрения. Всякое подобное утверждение предполагает, будто совершается нечто, независимое от людей, объективное, не имеющее отношения к их воле. Это само по себе должно вызывать сопротивление. Уверенность в том, что прогресс можно измерить, сформулировать, запланировать, облечь в закономерности и предугадать, безумно опасна. Подтверждение тому — миллионы европейцев, заплативших за эту уверенность собственной жизнью. Мы не имеем права забывать, что европейская цивилизация родилась из спора, в частности из спора вокруг идеи прогресса. Неизменно критический подход к любым концепциям, постоянный диспут вокруг истины, только без помощи генералов, составляют специфику нашей культуры.

Я разделяю мнение, что осуществленные в европейских государствах общественные решения служат людям лучше любых других ранее проверенных на практике. Но я не могу согласиться с тем, что прогресс пришел к завершению или что он заранее предрешен и может идти только одним путем. Пути прогресса мы определяем сами — критически переосмысливая то, что плохо. Поэтому мы не вправе перестать спрашивать и сомневаться. В противном случае прогресс однажды и впрямь завершится, и мы возвратимся к временам Спарты.

По материалам журнала *Kafka*, — *Zeitschrift für Mitteleuropa* (ФРГ). — 2005. — № 16

Е. Задорожная.